

Пан Кшиштоф, вы в Варшаве изучали физику, в Кракове – философию, а в Лодзи окончили режиссерский факультет... Как это получилось?

– Причем в детстве мечтал быть врачом... Режиссером решил стать почти полвека назад, и уже трудно вспомнить, как это было. Главное – я тогда понял, что для меня самое интересное не материя, а человек, ведь жизнь полна тайн. К тому же в хрущевскую оттепель появилась возможность работать в гуманитарной области, которая прежде была очень заидеологизирована.

Правда, родня отнеслась к моему выбору прохладно, отец был недоволен. Но это нормально для человека, который всю жизнь что-то строит из цемента и бетона и потому считает, что целлулоид – материал несерьезный.

Почему вас влечет заниматься с российской молодежью?

– Здесь, на Высших режиссерских курсах, я встречаю много интересных людей с необычными биографиями, к которым отношусь с большой симпатией, и очень хочу для них что-то сделать. Будут они великими или нет – зависит не от меня и даже не от них, а от многих обстоятельств. Но я получаю удовольствие от общения с ними.

С молодежью встречаюсь довольно часто и делаю это уже много лет – и со студентами МГИМО, и ВГИКа, где мне присвоили звание доктора honoris causa. Это трудно, утомительно, но и очень радостно. Ведь молодежь – единственное, что останется после нас.

В фильме «Жизнь как заразная болезнь, передающаяся половым путем» речь идет о переживаниях человека, унаследованного, что у него неизлечимая болезнь. Есть там и размышления о смысле жизни. В чем он для вас?

– Если бы я мог это выразить в одном предложении, то все бы пересылали его SMS. Тут нет простых рецептов, каждый должен найти свой смысл жизни в выбранном деле. Я нашел его в искусстве, в семье, в общественной деятельности, педагогической... Все это и сложилось в смысл моей жизни. Многие не удались – наверное, потому что слишком много хотели. Но я продолжаю хотеть и постоянно пробую.

Что именно?

– Наступает время, когда хочется сделать то, чего еще не делал, посетить места, где не был, встретить людей, которых не встречал. И снять свой лучший фильм. А в конце концов умереть молодым в пожилом возрасте.

Вы верите в жизнь после смерти?

– Да, верю и надеюсь, что это так и есть. Но неопровержимых доказательств на этот счет у меня нет.

Ваш фильм «Персона нон грата» охватывает треугольник Италия – Польша – Россия. Он не случаен?

– По моей фамилии ясно, что у меня итальянские корни, хотя несколько поколений моего рода жили в Польше. Меня часто спрашивают, не связан ли я с холмидильниками, которые рекламируют по телевидению: «Серьезная бытовая техника существует. Доказано Занусси». Связь есть, но далекая, по итальянской линии. А Россия интересует потому, что это совсем другая для меня страна. Может, поэтому ее и люблю: здесь иные темперамент, способ переживания... Мне близок Томас Манн, но восхищает Достоевский, потому что он совершенно непохож на нас.

И даже не любил поляков...

– Это его путь, и это я ему прощаю легко и легко.

Анджей Вайда снимает фильм о Катыни. Ваши близкие там не пострадали?

– Из дальних родственников по маминной линии погибли двое. Это большая тема, и порой слышу: немцы покаялись, а русские нет... Но я хочу быть честным и потому должен говорить прежде всего о покаянии поляков. Мы тоже делали в истории разные недостойные вещи и должны это признать: не всегда были порядочны по отношению к евреям, враждовали с Россией, не помогли стать независимыми украинцам... Нет абсолютно безгрешных наций, однако зрелость народа заключается в умении признать свои ошибки. Я бы очень хотел, чтобы Россия тоже признала некоторые вещи, которые противоречат общечеловеческим идеалам – например, что принесла немало несчастий разным

Нет абсолютно безгрешных наций, однако зрелость народа заключается в умении признать свои ошибки.

Мне хочется, чтобы люди что-то изменили в мире. Нельзя соглашаться со своей судьбой, надо стараться ее исправить.

Кшиштоф ЗАНУССИ: НАМ ЕСТЬ ЧЕМУ УЧИТЬСЯ ДРУГ У ДРУГА

Кшиштоф ЗАНУССИ – один из наиболее известных польских режиссеров, лауреат многих международных кинофестивалей. Его фильм «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем» был удостоен Гран-при XXII Московского международного кинофестиваля. Недавно он приезжал в Москву, где проводил ставшие уже традиционными мастер-классы на Высших курсах режиссеров и сценаристов.

ФОТО ЭДУАРДА ЛАГОВКА

странам своей экспансией. Но давать этому оценку – самим россиянам, я же отвечаю только за то, чтобы поляки покаялись, чтобы я покаялся.

Как вы относитесь к рассуждениям о славянском братстве?

– Я не славянин, а само это слово в Польше звучит скорее как ругательство. Написал человек до безобразия – о нем презрительно говорят: что поделаешь, славянская душа... Да и вообще это понятие – анахронизм, в наше время понятие расы звучит несерьезно. Человек считает, что он славянин, и при этом не подозревает, что у него в роду могут быть татары, немцы, викинги... Не стоит думать об этническом рисунке наших генов.

Вернемся к нашей непохожести. Польский и русский менталитет: что тут общего, в чем различия?

– У нас много общего в темпераменте, и это мне нравится. Но разница в том, что связано с разными религиозными традициями, которые проявляются, например, в отношении гражданина с властью, государством. И все же я с большим интересом присматриваюсь к православию, которое умеет сохранять такие понятия, как таинство, святость, и тут у него можно позаимствовать много хорошего. Есть свои достижения и у Запада, способного лучше приспособлять христианство к повседневной жизни. Думаю, что прав был Иоанн Павел II, который сказал, что Европа дышит двумя легкими, дополняющими друг друга. Чем лучше христиане – и православные, и католики, и протестанты – узнают друг друга, тем лучше будут поняты евангельские ценности.

Николай Бердяев, сравнивая польскую и русскую душу, писал, что если русская расплывается перед Богом, то польская – тянется вверх...

– Это касается не только поляков и русских, но и вообще традиций Византии и Рима. Поэтому думаю, что нам еще есть чему учиться друг у друга – и преклонению, и стремлению к идеалу. Одно не исключает другого, а дополняет.

А если говорить о наших общих проблемах, то какие бы вы назвали?

– Самое сложное – выбить из головы советское мышление, так называемый совок. Это позиция, очень живучая в обществе: человек чувствует себя вечным ребенком, обижаемым, злого папу и не принимает ответственности за свою судьбу. И живет по принципу: раз упало – пусть лежит, мне-то что, я ни за что не отвечаю... Принцип детский, потому что ответственность – мера зрелости человека, его достоинства. Коммунизм тем и привлекал людей, что обещал им вечное детство. Все было детьми, только вождь – отцом...

И еще эта подозрительность, характерная для тех, кто жил в условиях несвободы. Это стало сюжетом драматической истории, случившейся во время Второй мировой войны, о чем я рассказал в одном из фильмов. Жизнь партизана-подпольщика оставила тяжелый след в душе человека: у него нет веры в людей, он не может смотреть в глаза прямо и открыто, как делают, например, американцы. Я им часто завидую, потому что не могу так: ведь я жил в окружении стукачей, которые всегда могли меня продать, поэтому тоже стал недоверчивым. Мне жаль, но тут уж ничего не изменить, в этом я убедился. Это есть и в Польше, есть и в России.

Вы были в оппозиции к власти. Что это значит для художника?

– Моя оппозиционность носила этический характер, а не политический. Противостояние вызвали изъяны коммунистической системы – ложь, насилие, попрание человеческих прав. Я и сегодня могу сказать, что не восхищаюсь партией, которая у власти в моей стране, моими министрами... Но народ их выбрал, и нужно спокойно дожидаться следующего правительства, которое, возможно, будет лучше предыдущего.

Однажды вы сказали, что для режиссера важно различать добро и зло. Что, и тут есть проблемы?

– Я это сказал против тех постмодернистов, которые говорят, что, мол, правда неотличима от лжи, добро и зло неразделимы... Эти переходящие теоретические категории не изменились со временем Аристотеля, полагавшего, что правда – это достоинство вещи. Вечные ценности не требуют новых определений.

Режиссер должен иметь четкую позицию. Самая главная проблема европейского кино в последние годы – мировоззренческая. Авторы мечутся из стороны в сторону, меняют точку зрения в течение одной картины... То же происходит сегодня и в человеческих душах. Люди или растут, или мельчают, духовно и экономически, становятся глупее и подлее. Искусство призвано помогать им развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

Искусство призвано помогать развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

логии, которую называют американской мечтой. Там есть огромная вера, что они знают ответы на все вопросы, и эта сила действует на людей. И, конечно, хорошо организованы киноиндустрия, прокат.

Десятилетиями нам навязывали ленинский взгляд на интеллигенцию, о которой он, как известно, отзывался невысоко. Как вам видится ее роль в обществе?

– Ленин во многом ошибался, в этом тоже. Он плохо кончил, а вот интеллигенция не так уж плоха. Она всегда в меньшинстве, но именно она, а не пресловутые массы – авангард общества. Английский историк Тойнби сказал, что всегда, когда массы пробуют подражать элите, общество развивается, а когда элита следует за массой – общество разваливается. Не какие-то процессы, не экономика, а только люди, личности творят историю. Кто внимательно читал Толстого, тот это знает.

Есть известная кривая Гаусса, основанная на статистических расчетах. Если приложить ее к шкале ценностей, то лучшее всегда в меньшинстве, а большинство – среднее, оно всегда неправо, это статистический вывод. Демократия основана на том, что переговоры всегда идут с большинством, и это необходимо для общественного мира. Но я очень люблю лучшее.

Отсюда следует, что, говоря вашими словами, «всегда надо идти против мира»?

– Но с уважением к этому миру! Нельзя быть Дон Кихотом, который со всеми в конфликте. Он не победил, а мне хочется, чтобы люди что-то изменили в мире. Поэтому нельзя соглашаться со своей судьбой, надо всегда стараться ее исправить. Равно как и не следует быть довольным собой сегодняшним, потому что человек должен хотеть уже утром стать лучше: ведь это другой день и, значит, другая мера для меня вчерашнего, молодого – и повзрослевшего. Да никто и не знает своей меры, поэтому всегда надо стремиться к чему-то более высокому.

Но как быть с модой, которая не только уравнивает вкусы, но и, говоря словами поэта, терпит сумасбродства и не любит естества?

– Я предпочитаю быть от нее на некотором расстоянии. Из нее можно что-то взять, но немного, то, что мне идет. Элегантное не может быть модным. Я даже не тороплюсь читать модные книги – жду, когда уляжется ажиотаж.

Мода – это род оппортунизма, спасение для людей слабых, не имеющих собственного вкуса. В нашем доме всегда считалось, что она хороша разве что для служанки. Достойный человек не должен следовать моде.

Вы знаете, что такое бедность?

– Да, мы с детства недооценили. Меня это научило двум важным вещам: ответственности и пониманию, что необходимо делиться. Когда-то я голодал, а теперь имею возможность помочь другим избежать этой участи. Это очень радует.

Деньги могут быть злым господином и хорошим слугой. Конечно, чтобы их иметь, надо много зарабатывать. К счастью, я всегда любил что-то более серьезное, чем заработок, и ничего для него самого в жизни не делаю. Помню, как еще молодым режиссером я гордо отказывался снимать рекламные ролики. Но один знакомый меня озадачил: оказывается, сделав такой ролик, можно оплатить три операции, каждая из которых спасет человеческую жизнь. Вот тут-то я и усомнился, стоит ли дальше быть таким гордым. И хоть рекламных картин по-прежнему не снимаю, но сегодня уже не буду отказываться от возможности быстро заработать деньги, которые кому-то помогут.

Чем готовы поступиться ради дела?

– Чем поступиться? Могу жертвовать свои знания, терпение, силы. Принимаю на свою голову множество унижений, участвую в неинтересных мероприятиях, улыбаюсь неприятным людям. Но я хорошо знаю границу компромисса и не позволяю себе несправедливости по отношению к другому человеку, претензий на какие-то особые права. Словом, жертвую не жизненными ценностями и принципами, а временем, удобствами, нервами – но только своими.

Что бы вы пожелали нашим читателям?

– Чтобы старались жить лучше, чем живут, и имели как можно больше надежды. Причем важно, чтобы она была не в облаках, а на земле. Этой надежды нам очень не хватает.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ